

«Шишкин – блистательный провокатор, и каждая его книга – это сеанс чёрной магии с немедленным разоблачением!»

Александр Гаврилов, критик

БИОГРАФИЯ ВОЛАНДА

- Уникальные фото и материалы
- Прояснение всех темных мест романа
- Кто есть кто в
«МАСТЕРЕ И МАРГАРИТЕ»

**ОЛЕГ
ШИШКИН**

ведущий программы
«Загадки человечества
с Олегом Шишкиным» на РЕН ТВ

18+

Загадки истории с Олегом Шишкиным

Олег Шишкин

Биография Воланда

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шишкин О. А.

Биография Воланда / О. А. Шишкин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Загадки истории с Олегом Шишкиным)

ISBN 978-5-17-114175-2

«Биография Воланда» – новое расследование судьбы героев романа «Мастера и Маргариты», основанное на неожиданных открытиях архивных документов и буквально вскрывающее шифры и ребусы Михаила Булгакова. Эти игры писателя были тайными посланиями в будущее, и Олег Шишкин – первый, кому удалось их прочитать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114175-2

© Шишкин О. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
1	6
2	8
3	9
4	10
Глава 1. Memoria et Monstrum[2]	11
1	11
Глава 2. Главный вопрос дьявола	15
1	16
2	19
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Анатольевич Шишкин

Биография Воланда

*Памяти Андрея Леонидовича Никитина, с благодарностью к
тонким наблюдениям и пониманию темы.*

* * *

Издательство выражает благодарность Алексею Нешину за предоставленное фото на обложку.

© Текст. Олег Шишкин, 2019

© А. Нешин, фото автора на обложке, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

1

В русских эпических сказках, полных жестоких и неожиданных поворотов, главной приманкой был яйцеобразный футляр с иглой Кощея. За ним уходили неустрашимые герои. Они претерпевали испытания и бросались в битвы, они готовы были даже на самопожертвование, ведь этот таинственный предмет открывал свободу сказочной красавице.

Традиция воссоздания мрачных фантомов, химер и недобрых колдунов, властвующих над миром, не осталась только лишь в сказаниях и народном лубке. Она переместилась в книги, ставшие проводниками опыта и средствами для изменения души.

Русская литература, начиная с Гоголя, населяла миры уже модернизированными пугающими фантомами, Виями, начальниками гномов, грозными адскими силами, которые не столько смертельно пугали, сколько хранили тайну своих прототипов или обстоятельств, их породивших.

«Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова – одно из самых таинственных и одновременно самых читаемых произведений советской литературы. На протяжении десятилетий оно остается своеобразным закрытым посланием. Несмотря на отказ автора от разговоров о прототипах и намеках, в действительности он такие намеки допускал, как только ввел в свою историю Князя мира сего, ставшего довольно популярным персонажем, и сопроводил его яркой и неслучайной свитой. В любом случае, даже если поверить авторским клятвам, Воланд, конечно же, был потомком гетевского Мефистофеля. Но разве только его? И разве контексты Гуно, Вагнера и Берлиоза были забыты автором, который явно был поклонником великой европейской музыки?

Это книга о тайне Воланда и Булгакова, который сам длительное время считался закрытой фигурой, опальным интеллигентским фрондером, которому удалось выжить в эпоху Сталина и уйти от многих потрясений, похоронив вместе с собой и свое особое послание.

Появление его инвективы пришлось только на начало лапидарных времен Брежнева, и потому самый мистический роман советской эпохи воспринимался исключительно как литературный текст, а не как карта Бен Ганна, которой требовалась расшифровка, иначе поиск сокровищ стал бы бессмыслен.

Сундук изобретательного чародея, приехавшего в Москву «из города Киева, из логова Виева», продолжает и сегодня хранить свои тайны, делая их притягательными, похожими на мудреные комбинации в цифровом замке сейфа.

При этом последний роман Булгакова для позднесоветского интеллигента стал особым этическим и нравственным ориентиром. Он был сродни тем темам, которые было принято обсуждать негласно и хранить на кухне.

Моя книга не касается тем, затронутых в работах Мариэтты Чудаковой еще в 1976 году, упоминавшей и «Историю сношений человека с дьяволом» М. А. Орлова, и статьи энциклопедии Брокгауза и Ефрона, посвященные потустороннему миру и различным деятелям этого пространства.

Она также обходит работы, издававшиеся как в СССР, России, так и за рубежом, хотя и близкие по контексту, но далекие по методам действия.¹

---

¹ Milne L. The Master and Margarita: A comedy of victory. Birmingham, 1977, p. 50; Фиалкова Л. Л. К генеалогии романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, С. 532–537, Rzhevsky L. Pilate's sin: Cryptography in Bulgakov's novel «The Master and Margarita». Canadian Slavonic Papers, Ottawa, 1971, vol. 13, 1, p. 15–10; Бэлза

Писатель, неблизкий советской власти, но, по правде сказать, получавший от нее не только пинки, но и некоторые привилегии и блага низовой номенклатуры, Булгаков был хорошо известен и безусловно имел репутацию писателя почти антисоветского. Кто-то даже видел в сарказме его профессора Преображенского сарказм и самого Булгакова.

2

В 1980 году, будучи еще студентом театрального училища имени Щукина, я стоял на очереди в нашей институтской библиотеке, чтобы прочесть роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Тогда вокруг него кипели страсти. Сам текст был завораживающим. Многослойным его делали не только авторские комментарии, но и неожиданные персонажи.

По прошествии почти тридцати лет я, вновь взяв в руки книгу и перечитав текст, с удивлением обнаружил, что я знаю прототипов романа, понимаю мотивации и очевидные мне знаки, которыми отмечены тропы текста.

Задыхаясь от своих открытий, я пустился в литературные и исторические штудии, окунулся в архивные тайны, к которым имею страсть. И, собственно, теперь, побывав за дверями булгаковского бестиария, или, точнее, криптохранилища, – ибо крипта, как сказал один мой знакомый, это основа всего, в переводе с греческого означает тайник или крытый подземный ход, – я рискую сообщить, что мне открылось.

В первоначальной версии роман Булгакова должен был называться «Князь тьмы». А в другом варианте – «Евангелие от Воланда». Очевидно, что этот персонаж и держит в своих руках ключи от всех дверей и имеет склонность быть невероятно живым. Запоминающийся образ долгие годы считался выдумкой. Потом появились различные версии о том, кто был прототипом этого персонажа. Однако только сейчас возможно сказать, что помимо прототипа общекультурного, что весьма важно, у Воланда был прототип реальный. Как, впрочем, и у тех, кто его окружал и противостоял. А те события, что иной раз кажутся фантастическими, в действительности были, и только авторская фантазия схоронила их под толщей эвфемизмов и наслоений.

3

Так как эта книга является своего рода комментарием к «Мастеру и Маргарите», то мы будем иногда обращаться к сюжету романа в формате либретто, пересказывая известное вкратце, ибо это не противоречит моему повествованию.

Найдутся те, кто оспорит все ниженаписанное. Ну что ж, одни книги пишутся для расширения знания или для услаждения глаза, другие – для разжигания споров. «Биография Воланда» принадлежит к последним.

И самое важное, кто же он – Воланд, из каких частей реальности скроен и с кого был сделан сей слепок?

Вот что пишет Мариэтта Чудакова: «Булгаков стремился вернуть слушателей к утраченной ими непосредственности восприятия как предварительному условию его полноты. Он хотел повернуть внимание слушателей (читателей как таковых не было – ибо *читать* роман Булгаков, кажется, в это время не давал никому) вглубь романа. Приведем слова Булгакова, запомнившиеся Ермолинскому: „...У Воланда никаких прототипов нет. Очень прошу тебя, имей это в виду“».

Это утверждение приходит к нам не из документов Булгакова, а из воспоминания его знакомого. Возможно, эта фраза и была произнесена автором «Мастера и Маргариты», а возможно, она – следствие сознания вспоминать многое из того, что мы называем парамнезия. Субъективность высказывания знакомого очевидна, но главной очевидностью является ткань самого романа, которая и есть первая реальность по отношению ко всем остальным.

В этом случае лучше исследовать сам текст, прибегая к проверенным фактам и документам, сопоставляя и рассматривая неслучайные мемуарные совпадения, чтобы таким образом приблизиться к прототипу Воланда и других персонажей, которые, несомненно, были, как, впрочем, и тот персонаж, со спора о котором начинается книга Булгакова.

4

Эта книга была закончена в Вальпургиеву ночь 2019 года.

Глава 1. Memoria et Monstrum²

1

«Невежды думают, что все рассказы о колдунах и чародеях, которые они слышат, невероятны. Безбожники и лжеученые не хотят признать то, что они видят, и, не зная причины того, что видят, отрицают виденное. А колдуны и чародеи смеются над ними по двум главным причинам: во-первых, чтобы отвести от себя подозрение, а во-вторых, чтобы обеспечить торжество царства Сатаны», – писал в 1580 году в «Демонии» Жан Боден.

Скрытность князя мира сего казалась в Средневековье аксиоматичной. Тогда были уверены: дьявол кроется в деталях, и из деталей он и состоит. Не тот, конечно, грубый пародийный черт, которому приписывают все людские искушения и провокации потустороннего мира, герой лубочных картинок русского базара, а настоящий дьявол – который оживал, к примеру, в отдельных гиперболизированных чертах героев Достоевского. Однако наряду с этими многогранными персонажами, дьявольскими в своих проявлениях, на протяжении и XIX, и XX века существовал все же и лукавый провокатор: особенно этот герой выписывался в литературе и был своего рода предвестником приближающегося апокалипсиса, который казался очевидным для части русских интеллектуалов, не принявших революцию или считавших ее катастрофой.

Именно о таком злом гении и плодах его пришествия и была написана книга Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Ведь в первоначальной версии роман должен был называться «Князь тьмы». А в другом варианте даже «Евангелие от Воланда». Злокозненный персонаж является двигателем сюжета, он держит в своих руках ключи от всех поворотных дверей и имеет склонность быть невероятно живым. Более того, и Иешуа, и уж тем более ригорист Мастер уступают Воланду в яркости и динамизме. Не говоря уже о его очевидном мрачном красноречии, превосходящем любых других героев романа.

Автор порой и сам подозревался советской ортодоксальной критикой в том, что он посланец темных сил белого движения. Ему прямо говорили о том, что прорывалось в его «Беге», «Днях Турбиных».

Один из бесноватых столпов Российской ассоциации пролетарских писателей Владимир Киришин писал, что в пьесах Булгакова «было продемонстрировано наступление буржуазного крыла драматургии».

Возможно, коллективные нападения в советской прессе и породили мрачноватое ощущение жизни и сарказм, которые отразились и в последнем романе автора? А может быть, именно они вели его гораздо глубже – к омуту забвенья, который был утешением в трудные часы жизни?

21 апреля 1929 года, накануне дня рождения Ленина и в преддверии Пасхи, журнал «Огонек» поместил на своей первой странице фотографию группы людей, столпившихся возле одного из последних открытых торговцев Библией и Евангелием. «Еще торгуют опиумом в СТРАНЕ СОВЕТОВ» – гласила надпись под снимком.

Ленин называл религию «родом духовной сивухи». Но еще чаще советские газеты и журналы вспоминали фразу Маркса: «Религия – опиум народа». Вот и Остап Бендер, обращаясь в «Двенадцати стульях» к отцу Федору, вопрошал: «Почем опиум для народа?»

Советская власть, часто цитировавшая этот афоризм в уличных лозунгах и эпитафиях к атеистическим статьям, считала, что впервые он был сформулирован классиком коммунисти-

---

² Монстр памяти.

ческого будущего в работе «К критике гегелевской философии права» 1843 года, напечатанной в «Новой рейнской газете». Истина же, как часто это бывало с советскими пропагандистскими афоризмами, была с ними не в ладах и открывалась в далекой от религии области. И высоколобым большевистским начетникам пришлось бы признать, что первая подобная метафора была придумана автором предельно жестких эротических романов – маркизом де Садам в его «Жюльетте, или успехах порока», книге, посвященной свободе секса, свингерству и различным формам половых удовольствий. Весь текст произведения де Сада наполнен торжествующим насилием и фантастическими оргиями.

Правда, под опиумом там подразумевалась не религия, а отношение к власти. Персонаж де Сада заключает: «Вы кормите народ опиумом, чтобы, одурманенный, он не чувствовал своих бед, виновником которых являетесь вы сами. Вот почему там, где вы царствуете, нет заведений, которые могли бы дать отечеству великих людей; знания не вознаграждаются, а коль скоро в мудрости нет ни чести, ни выгоды, никто не стремится к ней»³.

Садистские художественные аллюзии вряд ли учитывались авторами антирелигиозной пропаганды. Но одно было очевидно: в стране, только что пережившей Мировую и Гражданскую войны, где было много увечий физических и душевных, тема такого «антидепрессанта», как опиум, была понятна и, вероятно, остра. Именно опиум и производный от него морфий становятся одними из тех веществ, которые активно потребляли тогда не только склонные к такому «удовольствию» простолюдины и богема, но и даже профессиональные врачи.

«Из, по меньшей мере, десятка медицинских учреждений, в которых мне приходилось работать в годы войны и последнее время, я не помню ни одного, где я не сталкивался бы с морфинистами из числа персонала»⁴ – писал в своем исследовании Горовой-Шалтан.

Именно о таком печальном опыте повествует Булгаков в рассказе «Морфий» в номерах от 9, 17 и 23 декабря 1927 года в журнале «Медицинский работник». Описание наркомании, приводящееся там, носило очень живой характер и могло бы стать предупреждением и назиданием. Истина заключалась в том, что автор имел представление об этом не на словах.

«Михаил был морфинистом, и иногда ночью после укола, который он делал себе сам, ему становилось плохо, он умирал, – писал в своих мемуарах муж сестры Булгакова Леонид Карум, – к утру он выздоравливал, однако чувствовал себя до вечера плохо. Но после обеда у него был прием, и жизнь восстанавливалась. Иногда же ночью его давили кошмары. Он вскакивал с постели и гнался за призраками. Может быть, отсюда и стал в своих произведениях смешивать реальную жизнь с фантастикой»⁵.

Упоминания об этих увлечениях и сейчас будоражат литературоведческую среду, а порой воспринимаются как гнусный навет на автора, который действительно дал для этого почву своим реалистическим воспроизведением быта и состояний наркомана в рассказе «Морфий». Булгаков так мастерски очертил описание наркотических ступеней, что не осталось никакого сомнения, что он сам прошел через это.

И эти подробности впечатляют: «Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием. В самом деле: куда, к черту, годится человек, если малейшая невралгия может выбить его совершенно из седла»!

---

³ Маркиз де Сад. Жюльетта. Т. 2. М., 1992. С. 544.

⁴ Горовой-Шалтан В. А. Морфинизм, его распространение и профилактика // Вопросы наркологии. Вып. 2. М., 1928. С. 48.

⁵ Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 64.

Но наука вещь точная, и она часто исследует те самые детали дьявола, с которых начался наш разговор. В 2015 году итальянские и израильские химики решили проанализировать рукопись «Мастер и Маргарита» с точки зрения имеющихся на ее страницах химических веществ и человеческих выделений. Были взяты самые разнообразные и доступные авторские страницы, из архива в РГБ, из частных коллекций и тех черновиков, что были проданы во время аукциона «На Никитском» в 2014 году.

Надо сказать, что ученые и раньше обращали внимание на наркотический аспект в работах Булгакова. Вот, например, Виктория Тишлер, анализируя рассказ «Морфий», резюмирует свои впечатления в форме сугубого моралите:

«Нынешняя подготовка врачей – это прежде всего усвоение фактической информации в форме клинических знаний и навыков. Обучение работе с психоактивными веществами нуждается в усовершенствовании, в частности, в него нужно включить анализ проблемы „врач как пациент“, и здесь важную роль может сыграть литература. Конечно, придется немало потрудиться, чтобы разрушить стереотипы скрытности и замалчивания, сложившиеся вокруг проблемы зависимости в медицинской профессии, и мотивировать студентов-медиков и врачей своевременно обращаться за помощью. Литература, написанная врачами, открывает прямой путь к этой деликатной теме, поскольку читателей в ней подкупает прежде всего достоверность, взгляд автора изнутри. „Морфий“ Булгакова – отличный повод начать разговор о культурных, личностных и клинических проблемах, с которыми сталкивается врач-наркоман. Правильное использование дидактических материалов, таких, как этот рассказ, поможет предотвратить наркоманию среди врачей, улучшит качество ухода за пациентами и повысит вероятность того, что врачи с зависимостью обратятся за помощью»⁶.

Но в итальянско-израильской работе 2015 года на первый план выходило именно изучение следов автора, каковыми ранее вряд ли кто-либо занимался.

Из бумаги, на которой писались черновики, микрогранулы подвергли газожидкостной хроматографии и масс-спектрометрии. Эти методы считаются предельно объективными и зарекомендовали себя в криминалистических экспертизах. Уже первые результаты анализа страниц показали, что квадратный сантиметр почти каждого из архивных листов содержал различное количество морфина (морфия) – одного из алкалоидов опиума.

Впервые вещество из опиума выделил в 1804 году немецкий фармаколог Фридрих Сертюрнер. Название препарат получил от имени древнегреческого бога сновидений Морфея, сына бога сна Гипноса. Но в этот период времени вне медицины наркотик употреблялся лишь самоубийцами как сильнодействующий яд.

Повальному увлечению морфином способствовало изобретение Александром Вудом в 1853 году инъекционной иглы. И сегодня препарат продолжает использоваться в медицине для снятия сильной боли.

Булгаков как медик прибегал к инъекциям его во времена Гражданской войны, когда находился в Вязьме. Однако длительное время считалось, что он смог избавиться от наркотической зависимости: он сам признавал за собой этот порок, который и описал в рассказе «Морфий». И вот ученые обнаружили, что подозрения были беспочвенны.

Газожидкостная хроматография показала, что количество морфия на страницах рукописи Булгакова варьировалось от 2 до 100 нанограммов. Попадание наркотика на бумагу могло происходить лишь двумя способами – либо с посягнутого пальца изо рта, либо непо-

---

⁶ Victoria Tischler. Dr Junkie. The Doctor Addict in Bulgakov's Morphine: What are the Lessons for Contemporary Medical Practice? Journal of Medical Humanities. December 2015, Volume 36, Issue 4, p. 359–368.

средственно с пальца, с выделениями. Таким образом, было выявлено наличие морфина, и 6-моноацетилморфина (C₁₉H₂₁NO₄) – продукта его распада, который образуется в ходе обмена веществ в организме человека, регулярно принимающего наркотик⁷.

Возможно, вызовет удивление тот факт, что следы морфия сохранились со столь далекого времени. Но подобного рода стойкость вещества на бумаге была вызвана тем, что в ту эпоху при ее изготовлении еще не применялся хлор, способный затруднить, а то и вовсе уничтожить всяческие следы наркотика.

На всем протяжении рукописи количество содержащегося морфия на страницах меняется. Вначале он почти отсутствует, но постепенно по мере написания его количество увеличивается. Было отмечено, что содержание морфия также падает там, где начинается сюжетная линия Иешуа.

Самыми наркотическими стали страница плана романа и страница главы «Поединок между профессором и поэтом». Некоторые страницы мистических глав указывают на непрерывное потребление автором морфия. Оно взлетает особенно в тех резких главах, где воображение поднимается до непревзойденных пиков, как, например, в «Великом бале Сатаны».

Потребление наркотических веществ несколько не умаляет таланта автора. Вспомним, что классик английской поэзии Сэмюэл Кольридж, балансируя на грани реальности и фантастического сна, под действием опиума, с помощью которого боролся с физической болью от дизентерии, создал поэму «Кубла-хан», ставшую иконой английской и американской культур. В XIX веке потребление опиума было распространено в среде богемы: Бодлер и Дюма прибежали к этому препарату.

Может возникнуть справедливый вопрос: а есть смысл в опасной фармакопее искать источник вдохновения автора? Не принижаем ли мы творческий метод, талант, в конце концов законную диффузию фантазии, мастерства и житейского опыта? Отнюдь! Этот момент придает образу автора заостренность и неоднозначность. Тем более, что одним из главных персонажей его романа был Воланд, которому авторская химия, возможно, добавила адской значительности, парадоксальности в выводах и подлинной мрачности всепонимающего посланца тьмы.

Визит в Москву предполагал невероятные встречи и еще более невероятные последствия этих встреч в самых невероятных местах и самые невероятные для СССР темы бесед. Самая важная из них и самая первая оказалась посвящена факту существования Иисуса Христа. И этот вопрос, как мы увидим, был острым не только для слушателей Князя тьмы, так и для автора.

Но так как вопрос об историчности бога служит завязкой романа, будем считать его принципиальным. С него Воланд начинает свою миссию в Москве. И следовательно, вопрос является кардинальным для всего романа и понимания его тайного смысла, выходящего за пределы литературного поучения.

---

⁷ Journal of Proteomics, vol. 131, 10 January 2016, p. 199–204 Gleb Zilberstein, Uriel Maor, Emmanuil Baskin, Pier Giorgio Righetti.

Глава 2. Главный вопрос дьявола

*И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?*⁸

Уильям Блейк

---

⁸ Перевод С. Маршака.

1

Роман «Мастер и Маргарита» открывается сценой на Патриарших прудах, которая происходит жарким весенним вечером. Тогда два литератора – Берлиоз и Иван Бездомный погружаются в эмоциональный спор о свежем произведении Ивана, который написал по заказу советского журнала антирелигиозную поэму об Иисусе Христе. Жаркое обсуждение, на фоне которого и появляется Воланд, сопровождается немислимыми эскападами эрудита Берлиоза, как будто сыплющего цитатами из «Золотой ветви» Фрэзера или атеистических произведений революционера и борца с религией Николая Морозова⁹.

Этот обмен мнениями становится важным стержнем романа, и с него начинается диалог с Воландом. А предваряется принципиальный спор сакраментальным вопросом незнакомца:

– Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? – спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

– Нет, вы не ослышались, – учтиво ответил Берлиоз, – именно это я и говорил.

Почему Воланда заинтересовал вопрос о существовании Иисуса Христа? Возможно, потому что это существование как бинарная оппозиция предполагает и наличие антихриста, и, конечно, дьявола, которому посвящено седьмое доказательство – доказательство, следовательно, самого Воланда.

И если для Берлиоза и Бездомного вопрос об историчности Иисуса Христа скорее дань политической номенклатуре времени, следование партийному заказу, то для автора – Михаила Булгакова – он имеет и моральную сторону. Его отец, преподаватель Киевской духовной академии, доктор богословия Афанасий Булгаков был тем, кто не просто верил, но и даже и не сомневался в историчности событий, описанных в Евангелиях. Лауреат Макарьевской премии, присуждавшейся Святейшим Синодом, он был образцом просвещенного консерватизма. И, несомненно, сын испытал его влияние.

Зерна спора трех булгаковских персонажей были посеяны еще в середине XIX века философом Тюбингенской школы Давидом Штраусом в «Жизни Иисуса». Это был один из видных мыслителей, сторонник учения Гегеля, рационалист и философ, сомневавшийся в божественности Иисуса, непорочном зачатии, воскресении, вознесении. Поклонницей его таланта и идей была Алиса Гессенская, мать русской императрицы Александры Федоровны.

И хотя Штраус и жил в среде несомненно религиозной, но воспринимал ее как дань традиции, а религию видел как набор рабочих идей для обсуждения, и не более того.

Именно это положение и родило рациональный скепсис Штрауса. Опора на логические заключения приводила ученого к неразрешимым вопросам. Он писал: «Чудесный элемент в рассказе о насыщении народа сводится к тому, что Иисус кусками преломленных им пяти (семи) хлебов и двух (нескольких) рыбок насытил 5000 или 4000 человек, не считая женщин и детей, и что после насыщения такого множества людей набралось несъеденных остатков хлеба и рыбы – в одном случае 12, а в другом – 7 полных коробов или корзин, то есть осталось значительно больше того количества, которое имелось первоначально, до раздела. Но мы, со своей стороны, сомневаемся, можно ли быть очевидцем невероятного и невозможного происшествия. Пытаясь выяснить себе это дело и, в частности, определить момент чудесного размножения хлебов, мы прежде всего видим, что хлебы, предназначенные для насыщения народа, прошли до поступления в желудок алчущих людей три ряда рук: из рук Иисуса они перешли в руки алчущего народа, и чудо размножения хлебов могло сотвориться на любом из этих трех

---

⁹ Морозов, Николай Александрович (1854–1964) – революционер-народник, участник покушения на Александра II, в советское время директор Естественнонаучного института им. П. Ф. Лесгафта. Автор труда «Христос. История человечества в естественно-научном освещении». Т. 1–7. М. – Л.: Госиздат, 1924–1932.

этапов. Если хлеба не размножились уже до перехода в руки алчущих, то раздавать их приходилось ученикам по малым крошкам, так как хлебов было пять штук, а народа было свыше 5000 душ»¹⁰.

Анализируя эти чудеса, Штраус выяснял, из каких восточных религий и учений они могли бы прийти в христианство. Что стало причиной невозможных событий и где искать источники очевидных преувеличений, имеющихся в текстах евангелий?

«В герое биографии, – писал Штраус в своей „Жизни Иисуса“, – мы большей частью видим человека совершенного и цельного; но лицо, которое, с одной стороны, является человеком, а с другой – существом высшим, сыном богов или сыном Божиим, лицо, рожденное от матери-человека, но зачатое не от человека-отца, такое лицо мы отнесем к области мифа и поэтического творчества и не подумаем всерьез обратить его в объект исторического повествования»¹¹. «Кто пожелает рассматривать церковного Христа под биографическим углом зрения и описать его жизнь в форме биографии, тот неминуемо убедится в том, что форма не соответствует содержанию. Христос церковный не может служить объектом для биографии, а биография не представляется той формой, которая пригодна для описания деяний церковного Христа. Понятие „жизнь Иисуса“ является понятием не только современным, но и противоречивым»¹².

Тогда критически настроенный к христианству ученый полагал, что три из Евангелий написаны в начале II века, они не аутентичны, а Евангелие от Иоанна – вообще во второй половине II века. И следовательно, они не являются прямыми свидетельствами о событиях. Под сомнение ставился и триумфальный въезд Иисуса в Иерусалим, так как он в первый раз посещал этот город и уж точно не был известен в столице Израиля. И конечно же, – и непорочное зачатие замужней Марии, и само воскресение погубленного на кресте Бога.

Другой исследователь, француз Эрнест Ренан в «Жизни Иисуса», напротив, не сомневался в существовании Христа, но считал его не богом, а великим стойком, носителем высоких моральных качеств и историческим персонажем.

Вот суть его мнения: «Я уже сказал и повторяю: если бы при составлении жизнеописания Иисуса пользоваться лишь достоверными сведениями, то пришлось бы ограничиться несколькими строками. Он существовал. Он был из Назарета в Галилее. Он увлекал Своими проповедями и высказывал Своим ученикам афоризмы, глубоко запечатлевшиеся в памяти. Главными из его учеников были Кифа и Иоанн, сын Заведеев. Он возбудил ненависть правоверных евреев, которые решили предать Его смерти через Понтия Пилата, бывшего тогда прокуратором Иудеи. Он был распят вне ворот города. Некоторое время спустя стали верить, что Он воскрес. Вот все, что мы знали бы достоверно – даже в том случае, если бы Евангелия не существовали или были подложны – на основании источников, подлинность и дата которых несомненны, напр., очевидно подлинных посланий св. Павла, послания к евреям, Апокалипсиса и других, всеми принятых текстов».¹³

В сущности, позиций Штрауса и Ренана придерживаются и Берлиоз с Бездомным. В черновиках романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» есть указания и на авторитетные иностранные имена: «Следует признать, что редактор был образован. В речи его, как пузыри на воде, вскакивали имена не только Штрауса и Ренана...»¹⁴

К тому же Булгаков открыто комментирует позицию персонажей. «Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-

---

¹⁰ Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса. М., 1992. С. 401.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса. М., 1992. С. 32.

¹³ Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1907. С. 16–17.

¹⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита (черновые редакции романа). Собр. соч. в 10 т. Т. 6. М.: Голос, 1999.

то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф». Берлиоз укоряет Бездомного: «А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!»

2

Со второй половины XIX века главные пункты общественного спора, связанные с историчностью Иисуса, приобретают дуэльный характер. Им придает актуальности выход исследований Дарвина – «Происхождение видов» в 1859 году и «Происхождение человека и половой подбор» в 1871-м, – фактически ставящих крест на мифологии Книги Бытия, повествующей о создании человека и животного мира в райских кущах.

Но еще более радикально высказывается Фридрих Ницше, властитель дум европейских интеллектуалов. В 1886 году в пятой части «Веселой науки» он провозглашает: «Величайшее из событий новейшего времени – Бог мертв, вера в христианского Бога сделалась неправдоподобной – начинает отбрасывать теперь свою тень на Европу» (афоризм 343). Обращение к этой тени согласуется с тенью «Призрака коммунизма» из «Манифеста» Маркса и Энгельса.

Вождь мирового пролетариата, пророк коммунизма и основатель СССР Ленин уже провозглашал: «Марксизм есть материализм. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс»¹⁵. Ему вторил первый народный комиссар просвещения СССР Анатолий Луначарский, написавший инструктивную книгу «Почему нельзя верить в бога».

В СССР дискуссия «А был ли Христос?» из сферы религиозной и гуманитарной перемещается в плоскость политическую. Это важный пункт в период становления Советского государства, провозгласившего научный атеизм своей государственной политикой. Пропаганда, развернувшаяся в советских изданиях, принимала самые разнообразные и весьма жесткие формы. Особенно на страницах сатирического журнала «Безбожник у станка», где художниками работали друзья Булгакова. Здесь, следуя известной формуле Гегеля, все подвергалось сомнению: и историчность Иисуса, и историчность Иуды, и историчность Нового Завета. Советская власть требовала и от своего, и от мирового христианства: предъявите документы!

---

¹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 418.

3

Но ведь такие документы и доказательства как будто бы были. Их нашли уже в глубокой древности и за много веков до сомнения и развенчания. Инициатива в их поиске принадлежала епископу Иерусалимскому Макарию.

Пожалуй, один из принципиальных детективов человечества – это вопрос установления физического существования Иисуса Христа, вопрос о подлинности дела жестокого убийства, произведенного римской администрацией Иудеи. Расследование этого события имело глубокий смысл в начальный момент христианства.

Вот почему в 314 году иерусалимский епископ Макарий решает открыть место, где происходили события в финале земной жизни Христа. Но только в 325 году на Никейском соборе он получает от императора Константина все необходимые широкие полномочия, вплоть до сноса языческих храмов, если таковые потребуются. Кроме того, епископу поручалось совершить обряд очищения в тех самых местах, которые им будут определены как места страстей Господних и его первоначального упокоения.

Именно Макарий определяет точку распятия, где сегодня находится храм Гроба Господня. На тот момент там возвышался построенный еще при императоре Адриане храм Афродиты-Венеры. Выбор под снос храма был драматичен для императора Константина. По легенде, от Венеры-Афродиты произошел род Цезарей. Богиня считалась покровительницей императоров и защитницей римского народа.

Сооружение храма относилось к эпохе императора Публия Элия Траяна Адриана, который после подавления восстания Бар-Кохбы на месте разрушенного Иерусалима возводил совершенно римский город. Он назвал его Элия Капитолина, включив в него часть своего имени. А Капитолиной город назывался в честь бога – Юпитера Капитолийского. Этот строительный проект отмечал двадцатилетний юбилей триумфального правления эталонного римского императора. Недалеко от храма Венеры была воздвигнута и статуя самого Юпитера.

Кроме того, храм имел характер мемориала победы над еврейским государством. На монетах эпохи Антонина Пия, чеканившихся в Элии Капитолине, сохранилось изображение статуи Венеры из того самого храма, который намечал снести Макарий. Правая нога богини попирала лежащего человека – это был образ раздавленной Иудеи.

Византийский историк Евсевий Кесарийский называл этот храм «мрачной обителью мертвых идолов, тайником сладострастного демона любви».

Выбор места возможного распятия, как считалось позднее, не был бесспорен. И уже тогда его подверг критике именно Евсевий Кесарийский. Однако логика в действиях иерусалимского епископа все же была и сопровождалась весомым фактом – одобрением императора Константина. Правитель согласился со сносом языческого храма, под которым Макарий рассчитывал обнаружить гору и погост.

Они там действительно были.

Кладбище оказалось похоже на одно из тех скальных захоронений, что и сегодня можно увидеть со стен древнего Иерусалима у подножья Масличной горы или прямо в породах вокруг города.

Но обнаружив могилы, Макарий столкнулся с вопросом: а какая из них именно та, в которую было принесено тело распятого Христа? В окрестностях за стенами города было обнаружено на тот момент 900 гробниц, близких по времени к началу эры. Но Макарий остановится на пещере-склепе с круглой плитой, которая, задвигаясь, закрывала вход в усыпальницу. Путеводным для епископа оказалось указание на то, что место упокоения было предоставлено состоятельным жителем Иерусалима Иосифом Аримафейским как часть семейного, а то и лич-

ного погребального пространства. И это сооружение действительно относилось к I веку империи, и его особенности подтверждали высокий статус владельца.

На этапе окончательного установления Макарий обратился к словам из Евангелия от Матфея: «И, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею. И положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и привалив большой камень к двери гроба, удалился» (Мф. 27:57).

Греческий глагол в тексте Евангелия от Матфея намекал на то, что вход в склеп был с приваливаемым или прикатываемым камнем. Количество таковых погребений было значительно меньше: только четыре из обнаруженных имели крышки, соответствующие описанию евангелиста. Помимо прямого свидетельства Макарий опирался и на более поздние. Так, для него было важно, что, например, Кирилл Иерусалимский (около 348 г.) упоминал именно о такой гробнице в своих проповедях.

И хотя открытие важного места было громогласно провозглашено, элемент субъективности в его обнаружении все же присутствовал. Это привело к тому, что и сегодня имеются семь различных альтернативных Голгоф, шесть из них находятся вне стен древнего Иерусалима.

Но крупный современный археолог Джоан Тейлор, проводившая раскопки в том числе и в храме Гроба Господня, считает: «Нет ничего, что было бы сказано любым – абсолютным или категорическим образом против традиционного места могилы Иисуса, являющегося подлинным. Я все же еще указала бы, что это остается любопытно тем, что никакой христианский источник перед Константином не отметил произошедшее соединение Храма Венеры и места погребения Иисуса. Удобство местоположения для технического строительства здания Константином первоначально кажется подозрительным, поскольку это было бы самым простым, вместо того чтобы построить новую христианскую базилику с ее смежными внутренними дворами на самой территории храма Венеры...»

Разъясняя эту позицию, Тейлор добавляет: «Византийские христиане сочли бы недавно показанное соединение выразительным признаком намерения Адриана уничтожить память о местах, важных для христианской истории. Иероним написал своему другу Павлину Ноланскому, что Адриан поместил „статую Юпитера на месте могилы и мраморную статую Венеры на скале креста“, чтобы загрязнить „наши святые места (так, чтобы) они могли лишить нас нашей веры в Страсть и Воскресение“» (Иероним 58.3)¹⁶.

Нам же любопытен этот момент именно тем, что отец Михаила Булгакова Афанасий Иванович переводил Иеронима и, думается, был в курсе этого важного для христианина пассажа, связанного со святынями.

В 2016 году, когда происходили реставрационные работы святой Кувуклии в толще древней горы, на которой стоит храм Гроба Господня, был обнаружен древний туннель. Он тянется на десятки метров и ведет под место признанного нахождения гробницы Христа. В конце подземный ход поднимается вертикальной шахтой прямо к Кувуклии. Возможно, во времена римского террора христиане втайне продолжали посещать место упокоения Христа, и это еще одно указание на верность выбора епископа Макария.

Удивительно, но мать императора Константина Флавия Юлия Елена, более известная как святая Елена, не принимала участия в раскопках погоста. Она приехала в Иерусалим годом позже. Причиной ее путешествия считают вещий сон, «в котором ей повелевалось отправиться в Иерусалим и вывести на свет божественные места, закрытые нечестивыми». По другим источникам, ее сын император Константин отправил мать на поиски важнейших реликвий. И хотя само место страстей было идентифицировано Макарием, миссия святой Елены имела особый характер – императрица-христианка должна была своими глазами увидеть глав-

¹⁶ Bible and Spade. Spring 2002. Joan Teilor. Golgotha: A Reconsideration of the Evidence.

ные святыни учения и собрать важнейшие реликвии и артефакты, которые могли бы стать подтверждением физического существования Иисуса Христа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.